

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Архиепископ Константин (Горянов)

Православие и культура

Опубликовано:
Христианское чтение. 2000. № 19. С. 3-20

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2013

Епископ Тихвинский Константин (Горянов)

*Ректор Санкт-Петербургских
Духовных Академии и Семинарии, профессор*

ПРАВОСЛАВИЕ И КУЛЬТУРА

18-21 мая 2000 года в Санкт-Петербурге состоялся Международный форум русской интеллигенции «Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия». В Форуме приняли участие более 300 человек, в том числе: 140 представителей различных регионов России, 15 академиков и членов-корреспондентов Российской Академии наук, 4 депутата Государственной Думы Российской Федерации, 3 депутата Законодательных органов субъектов Федерации, 35 представителей общественных организаций, творческих союзов и объединений, представители 61 средства массовой информации, 15 зарубежных представителей русской интеллигенции. Форум проводился в рамках объявленного ЮНЕСКО и ООН года культуры и предстоящего десятилетия культуры, мира и ненасилия.

От Русской Православной Церкви сделать доклад на тему «Православие и культура» было предложено Епископу Тихвинскому Константину (Горянову), Ректору Санкт-Петербургских Духовных Академии и Семинарии.

Дорогие участники форума!

В эти светлые дни, когда продолжается пасхальное торжество, мне хотелось бы приветствовать вас словами: «Христос воскрес»!

Этот победный призыв имеет непосредственное отношение к теме нашего форума — культура и общество. Почему, спросите вы?

Многие западные философские школы и направления начали свое существование с разговоров о смерти Церкви, продолжили вердиктом «смерть Бога», а кончили смертным приговором культуре и обществу. «Закат Европы», «мировая скорбь», «гибель культуры» — вот их излюбленная песня.

В противоположность этим мрачным атеистическим доктринам, заживо хоронящим общество, культуру и целые народы, христианство властно и торжествующе возвещает: «Никто да не убоится смерти, освободила нас Спасителя смерть. Воскрес Христос, и жизнь жительствоует». В этих словах святого Иоанна Златоуста Церковь благословляет любую и всяческую жизнь, если только она действительно является жизнью, а не ее греховным извращением, не закамouflированной смертью; в том числе — приветствуется жизнь культурная и социальная: в греческом оригинале пасхального слова Златоуста говорится: «καὶ βίος πολιτεύεται» — «жизнь устраивается по общественным законам».

К сожалению, в общественном сознании нет-нет да и всплывает старый «просветительский миф», особенно популярный в XIX-ом и в первой половине двадцатого века, о христианстве, как о темной, антиобщественной и антикультурной силе. На самом деле это — далеко не так. Стоит вспомнить, что слова «культ» и «культура» — одного корня, от латинского *cultus* — «взращивание, забота, почитание». И это — не случайно, потому что и христианство, и культура идут во многом сходными путями — путем роста, путем зерна, путем Воскресения.

Можно смело сказать, что христианство перевернуло мир. Когда современники св. Ириния Лионского (II век) спрашивали, что же нового принес Христос, он, не колеблясь, отвечал — все новое «*omnem novitatem*». В духовном плане христианство сокрушало все перегородки, средостения, разделявшие человечество. Стоит только вчитаться в слова апостола Павла: «... облечитесь в нового человека, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». (Кол. 2, 10-11). Конечно, это не означало,

что христианство собиралось ломать культуру каждого народа, заставить всех говорить на одном языке, или устраивать всеобщую уравниловку и передел имущества, но что важнее, христианство снимало ощущение отчуждения, превосходства, помыкания. Отныне господин-христианин перед Богом не мог рассматривать своего раба, как «двуногое говорящее орудие», что было вполне обычно и естественно для какого-нибудь язычника вроде Варрона. Под очевидным влиянием христианства происходит сначала смягчение, а затем и отмена рабства в средиземноморском мире. Женщина перестает восприниматься как собственность мужчины и получает определенные права. Жизнь и свобода детей отныне получает самостоятельные права, независимые от воли их родителей. Вообще человек перестает рассматриваться как вещь, как объект, предмет и начинает восприниматься как личность. Вот всего лишь некоторые результаты влияния христианства.

Каково же было отношение раннего христианства к культуре? При всей критике аморальности языческого мира, при всем трезвом видении его религиозных и философских заблуждений, ранние христиане не собирались уничтожать его культуру, они не были культурными нигилистами. Еще во втором веке великий апологет Иустин Философ провозгласил следующий принцип: «Все хорошее, что сказано или написано людьми, принадлежит нам, христианам». Он учил о том, что даже язычникам было доступно некоторое познание Слова, Логоса, пусть неясное неопределенное, поэтому они были прекрасны в том, что говорили в согласии с Логосом. Позднее блаженный Августин, говоря о христианском отношении к языческой образованности, напоминает о примере древних Евреев, которые, выходя из Египта, взяли с собой золото и серебро египтян. Так и христиане, уходя из языческого мира, должны взять с собой все действительно ценное из его образования, философии, культуры. В результате подобного отношения в Византии во многом сохранилась античная тради-

ция, античная образованность, была создана блестящая христианская культура, плоды которой были переданы Руси.

Без преувеличения можно сказать, что Русь родилась в водах Днепра более тысячи лет назад, через дар крещения мы получили подлинное духовное Воскресение, и это ясно чувствовали первые поколения крещеных православных русских людей. Отныне раз и навсегда в русское сознание, в русскую культуру входит образ Нового Иерусалима, Святого Града, а Русская Земля осознается как вторая Святая Земля, удел Богоматери. И в это время начинают вырабатываться основные понятия и основы русского менталитета, русской духовной жизни, русской культуры.

С образом Святого Града неразрывно связано такое особое русское понятие и явление как соборность, подразумевающее совместное делание на основе внутреннего духовного единства. Оно было невозможно в типично языческой ситуации раздробленности и войны всех против всех. Благодаря православию в русское сознание вошло такое понятие как «правда». Оно значительно отличается от европейского понятия «право, справедливость» — *jus, justitia*, потому что вместе со справедливостью подразумевает и «праведность», святость, не только правду человеческую, но и правду Божию. Это понятие «правда» ориентированно не столько на письменный, сколько на неписанный закон, на внутреннюю праведность, и не столько на общие законодательные положения, сколько на личное доверие.

Именно благодаря этому сознанию еще в прошлом веке «под честное слово» заключались сделки на десятки и сотни тысяч рублей. Это понятие «правда» органично инкорпорировало в себя милосердие: Русский человек был убежден, что «милость превозносится над судом».

Православие внесло в русскую жизнь аскетическое начало. Христианская аскеза есть упражнение в добре, в добрых делах, мыслях, чувствах и отсеменение злых помыслов и пожеланий. Это — выработка рассуждения и избирательности, отбора,

го, без чего погибает современная культура, задыхающаяся во всеядности. И более того, это установка на активную, подвижную, деятельную жизнь: без этой установки в нашем национальном сознании мы не создали бы великого государства и великой культуры, не дошли бы до Аляски и не построили бы Исаакиевского собора.

В русском человеке вырабатывалось трезвенное, мужественное отношение к жизни и спокойное, достойное отношение к смерти.¹

С принятием христианства, в русском человеке вырабатывалась любовь к красоте, точнее — к преображенной, очищенной красоте. Часто эта красота проста и достигается немногими средствами: посмотрим на церковь Покрова на Нерли (1164 г.): казалось бы — ничего особенного. Но она столь гармонична, столь удивительно вписана в пейзаж, что представляет собой образ неземной красоты, образ горнего града.

Я намеренно не говорю здесь о вещах очевидных, о том, что без Православия не было бы древнерусской архитектуры, живописи, наконец, древнерусской литературы. Самая письменность — кириллица была принесена на Русь православными миссионерами. Для нас сейчас важнее выделить характерные черты древнерусской культуры, которые далее прочно вошли в русскую культуру.

Покойный Д. С. Лихачев говорил о «антропоцентризме» древнерусской культуры. Я бы выразился несколько иначе: это гео-антропоцентрическая культура, Богочеловеческая, укорененная в богочеловечестве Христа. Далее, это культура, построенная на чувстве благодарения и то, что Лихачев называл «удивление миром». Вот характерное место из поучения Владимира Мономаха: «Кто же не воздаст хвалу и не прославляет силу Божию и великие чудеса и блага, устроенные на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как звезды, и тьма и свет».

Далее эта культура была практической и дидактической, учительной. Менее всего она была занята анализом самой себя, или мыслью о мысли. Ее задачей было наставить, научить, спасти: «Научись верующий человек поступать благочестиво, мысли чистоту блюсти, побуждая себя к добрым делам Господа ради». Само собой разумеется, она была нравственно ориентирована, наши предки просто бы не поняли декадентского или постмодернистского имморализма, или аморализма — «по ту сторону добра и зла». Эта культура была покаянной, исповедальной. Наконец, вся она была народной, потому что ее плоды были полезны и нужны всем, востребованы всеми слоями общества, ее невозможно разделить по классовому признаку. И все эти черты были следствием благотворного влияния Православия.

В этом высоком собрании нельзя не умолчать о политической культуре, в частности — о взаимоотношении Церкви и государства. Несмотря на то, что временами их отношения были достаточно сложными и даже трагическими, они строились на принципах симфонии, изложенных в свое время в 6 новелле императора Юстиниана: «Существует два великих дара, которые Бог в своей любви к человеку даровал ему свыше — священство и царство. Первое служит божественному, второе управляет человеческими делами, однако оба происходят из одного источника и украшают жизнь человечества. Поэтому, если священство свободно от порока и обладает доступом к Богу, и если цари справедливо и равновесно управляют государством, доверенному их заботе, то из этого происходит прекрасная симфония (или благостное созвучие) и благополучие даруется человеческому роду». Если Церковь стремилась словом и делом поддерживать государство в его тяжелые времена (в борьбе с татаро-монгольским игом, а также — в Смутное время), то и государство старалось обеспечивать Церкви режим наибольшего благоприятствования в ее воспитательных и проповеднических трудах. В противоположность атеистической концепции отделения Церкви от государства, цель которой — выгнать Церковь

на задворки общества, концепция симфонии подразумевает живое взаимопроникновение Церкви и государства, взаимное участие в жизни общества, естественно в пределах компетенции и полномочий каждой сторон. Благодаря этой симфонии, созвучию, мы имеем богатейшую русскую церковную архитектуру, иконопись, литературу. Но гораздо важнее, эта симфония давала возможность обеспечивать социальный мир. Так только присущими Руси были такие ситуации, когда по просьбе царя целые сословия отказывались от претензий друг к другу и к правительственным чиновникам.

Петровская реформа, при всей необходимости изменений, явилась тяжелым ударом и потрясением для России и для русской культуры в частности. Фактом остается то, что русский народный стиль архитектуры надолго замирает в петровских казармах, русская живопись надолго теряет свою самобытность, русская музыка на какое-то время становится довеском итальянской. Гораздо тяжелее было то, что теперь русская культура и традиция делятся на дворянскую и народную, высший класс отрывается от своих корней и даже от своего языка. Именно с петровских времен в русское общество входит эта страшная раздвоенность: «дворянское-народное», «русское-иноземное», и как результат: «православное-неправославное, религиозное-атеистическое». Церковь в определенной степени теряет свою самостоятельность и становится одним из государственных учреждений. В самих реформах, а в особенности манере их проведения, был вызов России. Не сразу, но она ответила на него: в духовной сфере — Серафимом Саровским, в культурной — Пушкиным. Несмотря на все потрясения, русская культура в своих лучших представителях и лучших творениях сохранила свое ядро.

Во-первых, Санкт-Петербург, несмотря на все усилия Петра, так и не стал «новым Амстердамом», это все же русский город, несущий в себе черты того же самого градостроительно-

го облика, что и Киев и Москва, а именно — Нового Иерусалима. Это выражается во многом, в частности — в основных городских доминантах, центральных храмах Петербурга — Исаакиевском Соборе, Петропавловском соборе, Адмиралтейской церкви, образующих центр города, между которыми протекает Нева — живой символ, напоминающую реку жизни из Откровения Иоанна Богослова.

Далее, русская литература на протяжении долгого времени сохраняла свой религиозный характер, свою религиозную теплоту, а также «удивление миром» Вспомним хотя бы «Утреннее размышление о величестве Божием» Михаила Ломоносова — отца российской науки и поэзии:

Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, Безсмертный царь.

Или обратимся к грандиозной поэме Державина «Бог», написанной им после пасхальной заутрени:

Твое создание я, Создатель,
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей, и Царь,
Твоей то правде нужно было,
Чтоб бездну смертну проходило
Мое бессмертно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился
Отец! в бессмертие Твое.

Можно много спорить о религиозности Пушкина, но ясно одно, начиная с его периода жизни в Михайловском он поворачивается к народной жизни и к Православию. Можно привести множество иллюстраций, одна из них — драма Борис Годунов.

В ней мы видим трагедию неблагословленной, небогоугодной власти, мучения нечистой совести, не находящей выхода в покаянии. Парадоксально, но факт: власть в трагедии определяется отношением к религиозному, в частности, — к монашеству. Как ни странно, идеальным царем оказывается Феодор Иоаннович, который «на престоле вздыхал о мирном житии молчальника»:

Бог возлюбил смирение Царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась...

Напротив, гуманистический активизм Бориса Годунова только приводит к катастрофе и его, и его семью, и всю Россию.

Итог своей творческой жизни Пушкин подводит в «Памятнике», где говорит:

Веленью Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца...

И не случайно Гоголь говорит, что в Пушкине «русская природа, русская душа отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». Эту очищенную красоту дало Пушкину Православие.

На Западе многие любят Достоевского, но за изображение страстей, коллизий, а не за то, чем он был истинно велик, а именно своим покаянным даром. Вспомним слова Сони Мармеладовой Раскольникову: «Встань, поди, поцелуй землю, которую ты осквернил и скажи: «Я убил». Великий покаянный дар Достоевского и его обостренное чувство воскресения, Пасхи одухотворяют его произведения. Достоевский проповедовал ту пасхальную радость, без которой «человеку невозможно существовать, а Богу быть, ибо Бог дает радость». Он предвидел грядущую революцию в своем романе «Бесы», и, тем не менее, верил и надеялся, что «Россия, наш великий, милый больной, исцелится и сядет у ног Иисусовых, и выйдут из него все бесы и бесенята». Хочется надеяться, что мы присутствуем при начале этого процесса.

Наконец Лев Николаевич Толстой, отошедший от Церкви

в свои поздние годы, в начале своего творчества питался ее соками. И совсем по-древнерусски звучат его слова: «Для нас, с данной нам Христом мерой добра и зла, нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Далее, великая русская наука во многом удержала тот религиозный заряд, который вложил в нее Ломоносов. Можно перечислять множество имен ученых, прославивших наше отечество, которые были горячо верующими людьми. Вот хотя бы некоторые: В. О. Ключевский, В. В. Болотов, Б. А. Тураев, Д. М. Менделеев, И. П. Павлов. Та синтетичность, способность к широким обобщениям, которая характерна для русской науки, во многом связана с влиянием Православия — религии, ориентированной на соборность, собрание, синтез.

Однако, несмотря на благотворное влияние Православия, мы не смогли избежать трагедии атеизма XIX и XX века и, как следствие, трагедии русской революции. Они связаны со сменой нравственного идеала, а точнее — с его помрачением, когда, по словам Ф. М. Достоевского «помутилось сердце человеческое, когда цитируются фразы, что кровь освежает, когда вся жизнь проповедуется в комфорте». К началу XX века в элите России, ее так называемой интеллигенции, православный нравственный идеал духовного мужества, включающего в себя терпение и смирение, идеал духовного делания и постепенного, терпеливого совестного строительства жизни, трезвости и нетребовательности, скромности, нестяжательности, незлобия, этот идеал сменился нетерпеливой жадой успеха (любой ценой), комфорта (у некоторых — для всех, а чаще — для избранных), социальной злобой, жадой мести, фантастическими мечтами о всеобщем благоденствии, (даже если оно построено на крови), короче говоря — идеалом, навязанным нам с Запада. Страшной ценой заплатили мы за эту смену ценностей — тремя революциями, двумя проигранными войнами, гражданской войной, двумя искусственными голодами (каждый — по 6 миллионов человек), коллективизацией, постоянным террором — в

общей сложности Россия отдала за социалистический эксперимент 65 миллионов человек, не считая военных жертв в 27 миллионов. В годы революции, гражданской войны и коммунистического террора Церковь делала все, что могла для обращения общества и народа к покаянию, к отрезвлению от того кровавого дурмана, который повис над Русью. Церковь призывала заблудший мир ко Христу, к совести и жизни не только словом, но и делом — жизнями тысяч и тысяч мучеников и исповедников, пострадавших за Православную веру. По последним подсчетам по церковным делам проходило и пострадало не менее миллиона человек, в 1937–1938 годах было расстреляно не менее 150 000 священнослужителей и активных прихожан, тех, кто предпочел смерть отречению. В годы Великой Отечественной войны, когда на время рухнул фасад социалистического интернационализма и обнажились подлинные основы бытия русского народа и русской государственности, Русская Православная Церковь внесла неоценимый вклад в победу над оккультным языческим нацизмом. Несмотря на гонения и закрытия храмов во времена Хрущева, притеснения во времена Брежнева, Церковь выжила и достояла до времени «перестройки». Ибо в подсоветском бытии, «под глыбами» сохранялись светлые ручьи, светлые начала православной культуры, православной нравственности, православной веры. Без них мы не одолели бы фашистскую Германию со всей Европой, не дошли бы до Берлина. Свидетельство тому — имена и деяния многих, в частности — Анны Ахматовой, Михаила Нестерова, Павла Корина, Александра Солженицына, архиепископа Луки (В. Ф. Войно-Ясенецкого), Владимира Солоухина, Валентина Распутина и многих других.

Однако нам нельзя успокаиваться на славном историческом прошлом и почивать на лаврах. Отношение общества к Церкви, безусловно, изменилось за прошедшие десять-двенадцать лет. Из враждебно-презрительного или испуганно-удивленного оно стало либо нейтральным, или благожелательно-нейтральным, а в ряде случаев и положи-

тельным. Конечно, это явление — отрадное, общество выдало значительный кредит доверия Церкви, и, тем не менее, следует отметить, что решительного духовного переворота в нашем обществе пока не произошло. Во многом отношение к Церкви является прагматическим и потребительским: а на периферии общества священника воспринимают как требоисправителя, носителя «религиозного фактора», социального работника, удовлетворяющего определенные «религиозные потребности», но многие его уже не слушают, как учителя, как пророка. Претензию на учительство, на пророчество, на «властительство думами» сейчас предъявляют кто угодно — средства массовой информации, политики, артисты, (как поэт иеромонах Роман — «Приосанилось племя вертлявое»), писатели (сейчас уже в последнюю очередь). Определенные силы в обществе стремятся отказать священнику в праве на учительство. От батюшки требуют освятить офис, машину (как говорится в чине — колесницу), — покрестить ребенка, чтобы не болел, в лучшем случае — повенчать *post factum*, но часто его уже не слушают, когда речь идет о жизни и смерти, о правде Божией, как на личном, так и общественном уровне. И это огорчительно, прежде всего, для общества. Если бы противоборствующие стороны в октябре 1993 года прислушались бы к мнению Церкви и к ее запрещению начинать кровопролитие, были бы спасены многие сотни жизней. О расстреле «Белого дома» ещё правду скажут и счёт предъявят.

Да, безусловно, наше общество по статистическим данным достаточно религиозно: даже в нашем городе около 57% жителей считают себя православными. По всей стране этот процент еще выше: 61%. Вся беда в том, что эта религиозность часто морально и догматически не ориентирована, люди, называющие себя православными, зачастую придерживаются грубейших суеверий оккультного характера. Если мы возьмем такой ключевой для определения православности моральный вопрос, как отношение к абортам, то из числа оп-

рашиваемых только 34% считают аборт грехом и убийством, с ними не согласны 36%, остальные 30% не определились с отношением к этой проблеме. Между тем, от абортов каждый день погибает 10 000 детей, это — фронтовые потери времен Второй мировой войны. Из каждых четырех беременностей прерываются три. В результате смертность сейчас превышает рождаемость, и нам в перспективе на двадцать пять лет грозит снижение населения Российской Федерации до ста миллионов человек и ниже. А это уже — проблема национальной безопасности, если учесть фактор соседства России с такими густонаселенными странами, как Китай, Япония, среднеазиатскими республиками. Уже сейчас Сибирь и Дальний Восток втихую заселяются китайцами, что будет завтра? Не сбудется ли пророчество Владимира Соловьева?

О Русь, забудь былую славу!

Орел двуглавый сокрушен,

И желтым детям на забаву

Даны клочки твоих знамен!

Вот всего один пример того, как недостаток моральной ориентации, установка на искусственно завышенные жизненные стандарты Запада (подленькое выражение «плодить нищету») грозит самому существованию России. В тоже время мы видим как Европа на рубеже XX–XXI столетий в лице своих политических организаций, подобных Европейскому Союзу, Совету Европы остается наиболее проамериканским регионом в мире. Это подтвердила активная поддержка западными европейцами даже самых агрессивных авантюристических действий США, подобных американо-натовскому нападению на Югославию.

Дефицит нравственности, недостаток нравственных принципов остро ощущается во всех сферах общества. Отчасти это связано с беспринципностью некоторых представителей власти и коррупцией, отчасти — с настырной проповедью цинизма и аморализма, навязываемой средствами массовой информацией, которая объясняется как корыстными коммерческими интереса-

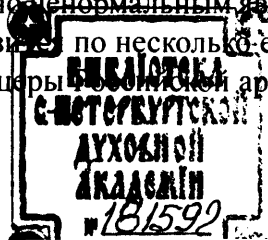
ми, так и необъявленной информационной войной, ведущейся против России определенными силами Запада, заинтересованными в деморализации Русского народа, его ограблении и снижении его численности. И как следствие подобного дефицита нравственности, экономические и социальные реформы буксуют, в полном объеме исполняются слова Тургенева: «Все наши предприятия лопаются единственно от недостатка честных людей». Теперь очевидно заблуждение «младореформаторов», они рассчитывали на голый монетаризм, «шоковую терапию», рынок, без надлежащего социального, нравственного и религиозного обеспечения, без длительного воспитания народа, без привития ему иммунитета к болезням рыночного общества. В результате вместо рынка мы получили дикий восточный базар, контролируемый мафией чеченского типа, где без надлежащего санитарного контроля торгуют, по большей части, порченым и гнилым товаром.

И закономерно встает вопрос о будущем России. Возможны два сценария. Первый и самый пессимистичный. Если все будет идти, как шло прежде, то есть государство по-прежнему будет устраниваться от всех общественных проблем, экономика будет стагнировать и идти по пути потребления и распределения, а не производства, капиталы выкачиваться из страны, а обществом будут управлять криминальные круги и в почете будет бандитская мораль, то распад России с непредсказуемыми последствиями для всего мира неизбежен. Второй вариант: государство и общество мобилизуется, начинает целенаправленно работать и выстраиваться вертикаль власти, перестают существовать в долг и кормить своими ресурсами Запад, перестает быть морально и религиозно индифферентным, и берет на вооружение христианские православные ценности. Лишь поворот к национально-консервативной политике в России, не агрессивной, но в то же время твердой в защите своих национальных интересов, может через какое-то время изменить даже ориентацию европейских элит. Тогда

Россия не только выживет, но и достигнет значительного процветания, а возможно и интегрирует в себя мирным путем ряд бывших союзных республик (прежде всего — Казахстан и Украину). Воссоздание на месте распавшегося СССР сильной державы, не стремящейся к господству в Европе, но желающей равноправного партнерства с крупнейшими европейскими державами способно изменить всю современную геостратегическую ситуацию на Европейском континенте.

Теперь возникает вопрос: какие ценности нам следует взять в двадцать первый век и что следует воспитывать в первую очередь в нашем народе? Прежде всего — это ценности православного патриотизма, любовь к Родине, к земному Отечеству, понимаемому как образ небесного. Конечно, Россию надо любить трезво, не закрывая глаза на наши беды, пороки, катастрофы, но необходимо властно останавливать и пресекать глумление над нашей Родиной, ее прошлым и настоящим. Настоящая русофобская кампания, развязанная в части СМИ не случайна, за ней стоят процессы глобализации и стремление определенных сил на Западе лишить Россию национального самосознания, чтобы легче было ее грабить и манипулировать ей. Глобальный неэквивалентный обмен, предполагает не только экономическое ограбление мировой периферии, но и духовную власть над ней — ту самую власть, которой дано наделять авторитетом и престижем или дискредитировать. Опыт уже показал, что глобальный мир — это не столько взаимозависимый мир, как уверяли нас новые либералы, сколько зависимый — управляемый из единого центра.

Далее, что следует воспитывать в обществе — бескорыстие, нестяжательность и принцип разумной достаточности. Коррупция, погоня за наживой, рвачество ничтожного меньшинства ставят нашу страну на грань экономической и политической катастрофы: абсолютно ненормальным является ситуация, когда в год из России вывозится по несколько ее годовых бюджетов на сытый Запад, а офицеры российской армии пускают себе пулю

в лоб от нищеты и безысходности, когда дети на уроках падают в обморок от голода, а пенсионеры стоят у метро с протянутой рукой. Конечно, одними убеждениями Церкви и части интеллигенции дела не исправишь, нужны соответствующие законодательные меры. И, тем не менее, проповедь нестяжательности со стороны Церкви может и должна дать свои плоды, при условии, если она не останется только в стенах храмов, а выйдет в школу, в средства массовой информации.

Следующее, что надлежит возвращать — семейные ценности — уважение к родителям, любовь к детям, а также — чувство целомудрия, неприятие половой разнузданности, насаждаемой СМИ, рекламой, печатными изданиями, а теперь, к сожалению проникающей и в школы через т.н. программу полового воспитания. Эта пропаганда связана со следующим положением политической психологии: если государство, или общественные структуры заинтересованы в увеличении населения, то насаждается культ романтической любви и счастливой семьи. Если же заинтересованы в уменьшении населения, то пропагандируется «свободная любовь», секс и, прежде всего, — различные сексуальные извращения. Если мы хотим остановить падение численности населения, этой пропаганде необходимо положить конец, и, по-видимому, потребуются введение определенной моральной цензуры в СМИ и в печати. Ибо свобода слова не есть свобода для скотства, это не есть вседозволенность, поскольку тогда она оборачивается жесточайшей диктатурой бессовестного меньшинства над общественным сознанием. Кстати, за подобный контроль высказываются 70% жителей нашего города, которые просто устали от потоков нравственной грязи, хлещущей в наших СМИ.

И прежде всего необходимо возвращать чувство любви к Богу и к человеку, как к образу Божию, живой личности, а не абстрактному объекту каких-то виртуальных «прав человека». Это чувство братства людей в Боге должно вести к социальному миру и общественному согласию. Инстинкт конкуренции необ-

ходимо заместить чувством корпоративности, сотрудничества, взаимодействия. От конкурентной модели общества, от войны всех против всех необходимо идти к синэргетической модели. Россия, как страна, поставленная в экстремальные климатические и геополитические условия, просто погибнет, если будет существовать по конкурентным законам, пригодным разве что для благополучных западных стран.

В этом воспитательном процессе, безусловно, необходимо задействовать лучшие достижения классической культуры, прежде всего русской, отечественной. В меру сил следует сдерживать экспансию т.н. массовой культуры, которая часто проявляет себя как псевдокультура и антикультура. Следует взять на вооружение подлинно академическую науку, памятуя слова Тертуллиана: «Малое знание удаляет от Бога, большое знание приближает». Союз Церкви и науки в настоящее время весьма актуален в силу широкого распространения псевдонаук оккультного и неоязыческого содержания — астрологии, «экстрасенсорики», «нетрадиционной медицины» и т.д., которые равно враждебны как подлинной вере, так и подлинному знанию.

Церковь готова сотрудничать с государством и обществом в этом воспитательном процессе, весь вопрос в том, готово ли к этому государство и общество. В настоящее время этому сотрудничеству мешают как старые предубеждения коммунистических времен, так и навязывание наихудших западных законодательных моделей, подразумевающих отчуждение государства от Церкви, а общества от веры. Подобная модель для России гибельна, поскольку мешает общественной консолидации, государственному строительству, провоцирует рост деструктивных, антикультурных, антиобщественных и антирелигиозных сил. Церкви подобное отделение не страшно, в процессе истории она пережила и гонения неронов, и геноцид лениных-сталиных, это страшно для государства и общества. Церковь готова прийти им на помощь — готовы ли они эту помощь принять? Покажет время. Что мы не можем дать сейчас — это немедленную прибыль,

«конвертик с долларами», это способны дать сектанты и западные миссионеры. Но следует помнить, что они вытянут из России, со всех нас в десять раз более, чем дали. Выражаю надежду, что здравый смысл восторжествует, и взаимодействие Церкви и государства, Церкви и общества в нашей стране будет хотя бы стремиться осуществляться по принципам «прекрасной симфонии», которая в свою очередь приведет к общественному согласию и процветанию России.

Да благословит вас Бог.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии
www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»
www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.